

Сегодня. — 1996. — 28 февр. — с. 10

Наличный человек

«Серенада шута». На мотив бенефиса Алексея Ратманского в театре им. Вахтангова

Татьяна Кузнецова

История нашего балета закончилась в 60-х. В те благословенные годы явился начиненный замыслами творец, с ним — плеяда одаренных хореографов калибром помельче, а россыпь талантливейшей молодежи чуть не со школьной скамьи получила роли, сделавшие артистов звездами, а спектакли — легендами. Васильевский Спартак, максимумская Маша, владимировский Пастух, сорокинская Избранница, Ферхад Лавровского, Ширин Бесмертной — символы десятилетия, из сегодняшнего далека кажущегося золотым.

В сотрясаемые хаосом, смутой, междоусобицами, заполненными разными удачами и долготелными провалами следующие четверть века история мелела, булькала издыхающим ручейком и наконец ушла в каменный грунт, оставив пересохшее русло замшелых догм, именующих традициями. Брюзжащие критики и закоренелые балетоманы кормились гастрольями, воспоминаниями и случайными проблесками актерских дебютов. Эмблемой времени стал техничный солист без имени и лица, провоцирующий одномоментные аплодисменты в спортивно-классическом па-де-де. Все новые и новые безызычные мальчики и девочки натягивали одежды с чужого плеча, пытаясь имитировать недостижимых шестидесятников.

После бенефиса Алексея Ратманского, представленного фирмой «Постмодерн-театр», историю захотелось самую чутко дописать. Нет, не думайте: потрясенный, откровений и явлений творца не наблюдалось. Был грамотный, умело и со вкусом выстроенный, лишенный дешевых эффектов вечер доброкачественной хореографии XX века, не замкнувшейся в отечественных пределах. Были достойные артисты, не торопящиеся сорвать успех выигрышным трюком. Была квалифицированная публика, способная не тосковать по пируэтам, но оценить тонкости интерпретаций (педагог-репетитор Элеонора Власова). И был бенефициант,

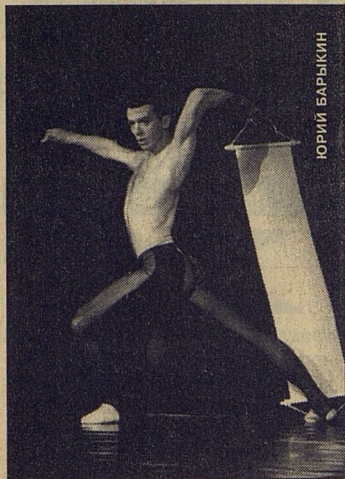
ПОКОЛЕНИЕ — одно колено, наличные люди или животные в данный срок.

В. Даль

танцовщик и хореограф, уроженец Ленинграда, выпускник МАХУ образца 1986-го (класс Петра Пестова), заслуженный артист Украины, вернувшийся в прошлом году на киевскую сцену после трехсезонного премьерства в Королевском виннипегском балете. Self-made man. Последовательно, умно и упорно делающий сам себя.

И вдруг защелкали в памяти фамилии его однолеток и погодков, выплывших из серого аквариума на Фрунзенской в смутные постперестроечные времена. Малахов, Степаненко, Лядовская, Песчанская, Ахметов, Янин, Филин, Глазштейн, Грачева... И стала очевидной неслучайность скопления имен, иногда известных, большей частью — не знакомых «широкой публике», не звездных, просочившихся в трещины безвременья. По видимости разные: нимфетки и атлетки, утонченные и крепыши, ленинградские и целеустремленные, технари и лирики, — они одинаково лишены определенности амплуа, ясно обозначенной творческой воли, однозначно яркой индивидуальности. За накатанными партиями, за наработанной опытом раскованностью, за ученической податливостью и в то же время — упрямым тиражированием собственных недосвершившегося. Поколение вечных исполнителей, персонажи, так и не нашедшие автора, влепую нащупывающие линии собственных судеб.

Балетный век короток. Артисты инфантильны. Пассивны по природе своего творчества, обречены на вечное ожидание оплодотворителя-балетмейстера. Разбросанное, подошедшее к середине своего пути (в их возрасте «шестидесятники» уже были «славой и гордостью») поколение по мере сил и разума пытается осуществиться в розницу. Самые благополучные, засосанные трясинкой Большого, тянут лямку вялотекущего репертуара в вязком предвкушении предсказуемых премьер. Самые счастливые нашли-таки своего пророка в оте-

ЮРИЙ БАРИКИН

честве и негромко, но внятно заявили о себе. Самые удачливые стали гражданами мира, а известные хореографы ищут с ними встреч. Самые деловые, используя недоработанные достижения советской школы, скакают по свету, отстригая пристойные гонорары. Некоторые прижились в иноземных труппах, нежданно обнаружив способности к contemporary dance, став музами корифеев современной хореографии. Часть хватается за любую работу на родине в смутной надежде реализовать себя.

Отчего ж именно эгегический, неброский бенефис именно Ратманского споспешествовал нехитрым геологоразведочным экскурсам в новейшую историю? Да оттого лишь, что этот молодой человек со средними данными, коротковатыми ногами, масляно-смачным воспитанным телом, с негероической подвижной физиономией лица и ясной головой единственным из всего поколения смог осознать ситуацию, овладеть ею, сформировать себя, уловить и сформулировать тенденцию времени (не декларативно, на деле — собственным трезво отточенным исполнительским стилем, изысканными недидактичными балетмейстерскими опусами). Сумел выбраться из Канады, ограничив душевность и размах русской школы танца прирививо-расчетливым западным мастерством. Заставил брюзжащую критику и закоренелых балетоманов услышать шум подземных вод.